

Н.Н. Зарубина*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УСТАНОВКИ В ОТНОШЕНИИ ДЕНЕГ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

В статье рассматриваются социокультурные установки современного общества в отношении денег в качестве предпосылок глобального финансового кризиса. Мифология денег как система непротиворечивых представлений массового сознания формируют установки на монетарный универсализм, утверждающий деньги в качестве базовой ценности и метаязыка современной культуры. Развитие глобальной финансовой экономики способствует частичному отрыву финансовой сферы от реального хозяйства и порождает установки на безответственность в накоплении и инвестировании.

Ключевые слова: финансовый кризис, деньги, товарно-денежный фетишизм, социокультурные установки, миф, модерн, глобализация, постмодерн

Keywords: sociocultural attitudes, money, commodity fetishism, myth, financial crisis, modern, postmodern, globalization

Глобальный финансовый кризис создает новые экономические и социальные реалии, требующие переоценки многих базовых социокультурных ценностей и институтов, пересмотра казавшихся ранее несомненными убеждений. Причины возникновения кризиса и пути выхода из него следует искать не только в экономике и финансовой сфере, но и в культуре современного общества. Представляется, что одной из наиболее значимых предпосылок кризиса стали сложившиеся в индустриально-капиталистическом обществе социокультурные установки в отношении денег, породившие финансовые спекуляции и поощрявшие безответственность глобальных игроков. Вспомнив известное выражение М.А. Булгакова, можно сказать, что кризис не только в банках, но и в головах.

Миф денег в современном обществе как предпосылка кризиса

Деньги, возникшие как экономический инструмент, постепенно превратились в социальный институт с собственной культурой и мифологией, в фетиш современного общества, который отчуждает и скрывает собственно человеческие, социальные отношения. Характерно, что с началом кризиса в развитых странах отмечается рост интереса к трудам К. Маркса, первым начавшего исследовать *социальную* природу денег в капиталистическом обществе. К. Маркс показал, что деньги скрывают социальные связи за движением товаров и превращаются в «отчужденную мощь человечества»¹.

Суть явления, названного товарно-денежным фетишизмом, состоит в том, что люди склонны воспринимать собственные отношения как движение денег. Денежный фетишизм приводит к тому, что современный человек – и простой обыватель, и специалист в области экономики и социальных наук, склонен видеть в деньгах «подлинную реальность», «суть вещей», в то время как сами социальные и культурные процессы кажутся ему вторичными и производными. Представляется, что глобальный финансовый кризис стал закономерным итогом отношения человека к деньгам, парадоксально сочетающего зависимость с беспрецедентной безответственностью.

В данной статье мы рассмотрим мифы денег как понятия, обобщающие не отношения реальности, а совокупность знаний, суждений, оценок этих отношений, т.е., по определению Р. Барта, «не столько саму реальность, сколько известное представление

* **Зарубина Наталья Николаевна** – доктор философских наук, профессор Кафедры социологии МГИМО(У) МИД России. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант №07-06-00186.

о ней»². Отношение современного человека к деньгам в повседневной жизни определяется и регулируется отнюдь не последними достижениями экономического или социального знания, а мифами, без анализа и критических рассуждений предлагающими принять представления о деньгах как базовой ценности современного общества. Исследования показали, что даже профессионалы – финансовые аналитики, валютные дилеры и т.д., перед дефолтом 1998 г. действовали, руководствуясь мифами и не до конца рационально осознаваемыми культурными установками, мотивировавшими принятие решений, шедших вразрез с собственно рыночной рациональностью³. Характерно описанное социологами присущее финансовым трейдерам восприятие рынка как «высшего существа»⁴, а также их неспособность рационально объяснить мотивы принятия тех или иных решений⁵.

Миф денег возникает, когда над деньгами как категорией хозяйственной жизни надстраивается – в семиотическом смысле – огромный пласт оценок, интерпретаций, философских и этических максим, идеологических конструкций и всего, что люди думают о деньгах, и что имеет лишь опосредованное отношение к ним как реальному компоненту экономической и хозяйственной жизни. Миф денег в буржуазном обществе утверждает легитимность рыночного обмена и, соответственно, денежного обращения, как наиболее оптимального, «естественного» порядка вещей, по выражению Р. Барта, «постулирует неизменность Природы» и «стирает следы» человеческой активности, предлагая готовые застывшие ментальные конструкции, служащие моделью принятия решений и развития поведенческих стратегий⁶.

Миф денег в его современном виде констатирует универсальность денежного исчисления как средства оценки абсолютно всех предметов и явлений, возводит деньги (обладание ими, способность их зарабатывать и т.д.) в ранг универсального мерила достоинства и состоятельности личности («если ты умный, то покажи свои деньги», «если ты такой умный, то почему ты бедный?» и т.д.). Важнейшей составляющей этого мифа оказывается восходящее к протестантской этике представление о бесконечности накопления денег как заслуги или знака заслуги, экстраординарных и особо почитаемых качеств личности. В рамках буржуазного мифа денег формируется представление о невозможности получения удовлетворения достигнутым уровнем благосостояния и необходимости постоянного увеличения доходов. Эта мифологема, с одной стороны, ложится в основу установок на бесконечное инвестирование и рост хозяйственной активности, а с другой – легко оправдывает стремление к богатству любой ценой, приводящее к безответственным финансовым спекуляциям.

Созданный в рамках политэкономических учений миф о «человеке обменивающемся» и о «невидимой руке рынка», которая, заменяя Божественную волю, регулирует все хозяйственные, экономические, а также социальные, политические, культурные отношения, в буржуазном обществе распространился через разнообразные научные, идеологические, политические и тому подобные конструкции и подчинил себе прочие представления о месте денег в жизни социума и отдельного человека. Сформировался миф *монетаристского универсализма*, в контексте которого язык денежной рациональности признается *универсальным метаязыком* для описания не только хозяйственно-экономических, но и всех социальных, культурных, нравственных и прочих реалий. Деньги стали не просто средством достижения конкретных благ, а подлинной «мерой всех вещей» – лишь успех в денежном выражении представляет собой самый верный знак и правоты, и справедливости, и ума, и добродетели, и даже, как показал М. Вебер, богоизбранности и спасения души. То, что не поддается описанию на этом языке, рассматривается как внесемиотическая сфера, пребывающая вне цивилизации и даже как бы не существующая. Чтобы стать социальной и культурной реальностью, необходимо быть осмысленным в знаках метаязыка – получить денежный эквивалент в виде рыночной цены, воплощенный в расхожей формуле «Я стою столько-то».

В современном обществе, наряду с культурой модерна развиваются тенденции, относимые исследователями к постмодерну. В мифологии модерна деньги рынка означали *реальные* эффективность, конкурентоспособность и прочие атрибуты рыночного порядка хозяйствования, распространяемого практически на все сферы жизни общества. В экономике постмодерна финансовые потоки становятся относительно самодостаточной реальностью, *виртуальной экономикой*, за которой не стоят процессы, происходящие в реальных секторах: «Этот процесс — сам по себе и сам для себя. Он не

ориентируется больше ни на потребности, ни на прибыль. Он представляет собой не ускорение производительности, а структурную инфляцию знаков производства, взаимоподмену и убегание вперед любых знаков, включая, разумеется, денежные знаки»⁷. Эта фаза освобождения денег от реальной экономики окончательно завершается после отказа от золотого эталона (в 1971 г.) как последней формы устойчивости и репрезентативности валюты и перехода к «плавающим курсам», не связанным никакими реальными эквивалентами и свободным для ничем не ограниченной игры по собственным правилам.

Деньги эпохи постмодерна превращаются в пустой знак, которому можно приписать любые означаемые и означающие, поскольку он не несет конкретного содержания. Они могут, не вызывая логических и смысловых противоречий, иметь совершенно противоположные означаемые: рост экономики, создание и движение реальных ценностей, инновационный бизнес, внедрение передовых достижений науки и технологии, – или деструктивные для реальной экономики виртуальные финансовые игры, развал производств, наркобизнес, преступные силовые акции и т.д. Таким образом, деньги оказываются не привычными для рыночного общества знаками подлинной реальности экономического роста, а означают лишь реальность денег.

При распространении социокультурных ценностей постмодернистского типа буржуазная мифологема денег как символического воплощения незыблемого рационального порядка заменяется мифологемой денег-стихии. Из этого следует, во-первых, господство над человеком и обществом внешней силы, неопределенности, игры случайностей, которую невозможно познать и рационально освоить, но можно лишь «предугадать» или подчинить себе с помощью иррациональных харизматических свойств личности. Игровая, случайная, необъяснимая рационально динамика успеха и проигрыша является столь же необходимым атрибутом современного порядка вещей, как строгая рациональность и тотальная исчислимость в модернистском мире классического рынка. Показательно, что работа одного из самых известных финансистов и биржевых игроков Дж. Сороса названа им «Алхимия финансов», что уже само по себе подчеркивает мифологические и мистические метафоры виртуальных финансовых игр, в процессе которых колоссальные суммы денег перемещаются, повинаясь не строгой рациональности рынка, не экономической целесообразности, а *внерациональным* принципам. Работа финансиста сродни алхимическому воздействию на благородные металлы, из которых с помощью высших – или, если вспомнить западноевропейскую мифологию, inferнальных, сил получается золото.

Во-вторых, появление мифологемы денег-стихии приводит к их окончательному выведению из поля социальных отношений и моральных оценок. В рамках буржуазного мифа еще присутствовали ценностные суждения относительно денег: они воспринимались как символы незыблемого рационального социального порядка, принятие или отрицание которого вело к отождествлению денег, соответственно, с благом или со злом. Стихия же, в отличие от порядка, связана с природными, космическими, а не социальными и культурными явлениями, и поэтому сама по себе находится вне моральных оценок, вне добра и зла, хотя может порождать и то, и другое. Поэтому в культуре постмодерна, в отличие от модерна, отсутствуют единый нравственный стандарт, универсальные нравственные абстракции и как следствие – арочная мораль. Оценка любого явления становится контекстуальной, сиюминутной, зависимой как от внешних обстоятельств, так и от их интерпретации субъектом. Проблема честных и нечестных, «чистых» и «грязных» денег, как и способов их зарабатывания, практически ушла в прошлое. Осталась только предельно завышенная оценка самих денег, фактически возведенных на уровень кода кодов, с помощью которого можно читать и интерпретировать любые аспекты реальности, но который сам по себе не поддается ни интерпретации, ни сведению к реальным референтам. Современная мифология побуждает человека не только видеть деньги за всеми реальными социальными процессами и отношениями, но и все социальные явления рассматривать как символы, за которыми стоит высшая реальность денег.

Так формируется установка на деньги как высшую ценность, которая стоит любых усилий, жертв, любых рисков и преступлений. Эта установка претворяется в безответственность финансовых игроков глобального масштаба, строителей финансовых пирамид, а также простых обывателей, утративших осторожность и чувство меры перед искушением дешевых потребительских кредитов.

Установка на «освобождение» от реальной экономики и социальных отношений: безответственность как фактор финансового кризиса

Особенность виртуальных финансов состоит в даваемой ими *свободе от реального хозяйства*. В этой связи примечательно предложение испанского социолога М. Кастельса осуществить оригинальную терминологическую инверсию: то, что принято называть «реальной экономикой» в противоположность виртуальным финансам – промышленное и сельскохозяйственное производство, сферу услуг, торговлю, транспорт и т.д., он предлагает называть экономикой «нереальной», поскольку все *действительно реальные* процессы происходят сегодня именно в глобальных финансах: «в век капитализма сетевых структур настоящая реальность, где делают или теряют, размещают или сберегают деньги, находится в финансовой сфере. Все другие виды деятельности (за исключением деятельности во все более сокращающемся государственном секторе) выступают либо в качестве основы для получения необходимых свободных средств, которые можно было бы вложить в глобальные финансовые потоки, либо же в качестве результата уже помещенных сюда капиталовложений»⁸.

Деньги глобальной финансовой экономики оказываются самодостаточными и обладают свойством прирастать или убывать независимо от реальных секторов мировой экономики. В этом смысле деньги приносят финансовым игрокам свободу от условий реального производства и рынка, а также от всех геоэкономических, технологических и социально-нормативных ограничений, связанных с реальным хозяйством. Свобода обращения виртуальных финансов дает возможность глобальным инвесторам переводить их деньги туда, где в данный момент сложились наиболее благоприятные условия роста, при этом «не сталкиваясь с ограничениями достаточно реальными – прочными, твердыми, неподатливыми – чтобы их соблюдение было обязательным»⁹.

По сути, у виртуальных финансов остается лишь одно предназначение – самовозрастание (не случайно их самая распространенная метафора – мыльный пузырь). В то же время, их падение может быть связано с ростом реального производства: нередко прецеденты, когда усилия по сохранению производства приводят к разорению тех биржевых игроков, которые играли на его понижение. Деньги, таким образом, все больше освобождаются *от связи с реальным процессом труда*. Создаваемые обществом в процессе хозяйственной деятельности, распространяющиеся по мере ее развития, они, в конце концов, превращаются в самодостаточную силу, не зависящую ни от труда и хозяйства, ни от других сфер общественной жизни, а также и не определяющую никакие социальные и культурные процессы, замкнутую только на собственное обращение. Именно это позволило Ж. Бодрийяру говорить о «конце политической экономии» в эпоху постмодерна: «Плавающий курс валют и знаков, зыбкость “потребностей” и целевых установок производства, зыбкость самого труда – подстановочный характер всех этих элементов, сопровождающийся безудержной спекуляцией и инфляцией (у нас теперь поистине царство *полной свободы* – вообще ни-к-чему-не-привязанности, никому-не-обязанности, ни-во-что-не-верия;..), – ничего подобного Соссюр или Маркс даже не предчувствовали; они еще жили в золотом веке диалектики знака и реальности, который одновременно был “классическим” периодом капитала и стоимости. Ныне их диалектика распалась, а реальность погибла под давлением фантастической автономизации ценности. Детерминированность умерла – теперь царица недетерминированность»¹⁰.

В условиях глобализации деньги становятся фактором гибкости и подвижности мирового хозяйства в противоположность индустриальной фордистской парадигме. В этой связи весьма интересен пример биографии Билла Гейтса, приводимый З. Бауманом со ссылкой на Р. Сеннета. Социологи указывают на то обстоятельство, что если для «классических» капиталистов индустриальной эры, таких, как Форд или Рокфеллер, главной целью был работающий капитал, воплощенный в материальных объектах – заводах, нефтяных вышках, машинах и т.д., то для Гейтса предпочтительнее «находиться в системе возможностей вместо того, чтобы парализовать себя на отдельной конкретной работе», не связывать себя обязательствами, воплощенными в устойчивых отношениях и имуществе¹¹. Наблюдателей поразила «бесстыдная, откровенная, даже хвастливая готовность Гейтса “уничтожить то, что он сделал, с учетом требований данного момента”». Гейтс оказался игроком, который “процветает среди бес-

порядка"... Можно сказать, что в течение жизненного пути у Гейтса не накапливалось ничего, кроме расширяющегося диапазона доступных возможностей»¹².

Почему современный глобальный капитализм гораздо меньше, чем капитализм индустриальный, испытывает привязанность к овеществленному капиталу, к определенному рынку рабочей силы и т.п.? Благодаря *виртуальным деньгам*, которые не имеют жесткой привязки к состоянию реального хозяйства и обладают способностью мгновенно перемещаться. «Текучесть» как свойство социального устройства современного общества оказывается связанным с трансформацией денег. Превратившись в «семиотические деньги», в пустые знаки, за которыми не стоят больше реальные отношения обмена, связи человека с предметами, с другими людьми и с социальными институтами, деньги действительно дают «диапазон возможностей», и суть экономических стратегий состоит в его наиболее эффективном использовании. В этой связи представляется интересным вывод З. Баумана об особенностях современной рациональности: «Делать "рациональный выбор" в эру мгновенности означает стремиться к вознаграждению, избегая последствий, и особенно обязательств, которые могут подразумевать такие последствия. Долговременные последствия сегодняшнего вознаграждения ограничивают шансы на завтрашнее вознаграждение. Долговременность превращается из ценного качества в помеху; то же самое можно сказать обо всем большом, твердом и тяжелом — обо всем, что затрудняет и ограничивает движение....»¹³.

Наиболее ярким последствием свободы, т.е. недетерминированности виртуальных финансов является возможный для тех социальных групп, которые с ними связаны, *отрыв от социальных обязательств* и ответственности перед обществом в целом, а также перед местным сообществом, связь с которым становится временной и необязательной, легко разрываемой. Становятся все менее и менее действенными институты обеспечения коллективных интересов, социальной поддержки, создание которых увенчало борьбу рабочего класса и средних классов капиталистических обществ за их права, поскольку из них молча уходит капитал как одна из договорившихся сторон. Если под свободой понимать именно освобождение от социальных обязательств и связей, тогда, действительно, придется признать, что виртуальные деньги глобальной финансовой экономики являются величайшим эмансипатором. Благодаря даваемой ими свободе, по выражению У. Бека, социальные классы отныне «сидят за разными столами», и никто никому ничем не обязан и ни за что не отвечает. Самодостаточность виртуальных финансовых операций, основанная на отсутствии референции в реальной экономике и социальных отношениях, привела экономику и общество к нынешнему кризису.

Согласно концепции социокультурной динамики П.А. Сорокина, современный финансовый кризис является лишь одним из проявлений кризиса современного общества, ориентированного на ценности богатства, власти, комфорта. В эпоху становления культуры модерна эти ценности были конструктивной силой, дававшей действенные установки на экономический рост и социальный прогресс. Однако на современном этапе они формируют установки на безответственную погоню за деньгами, провоцируют дезинтеграцию хозяйства и общества, превратившись, тем самым, в угрозу для него¹⁴. Важнейшим уроком, который из этого кризиса можно извлечь, должно стать понимание истинного места денег в жизни общества — если, конечно, к этому пониманию удастся прийти. Разделяя положение о ценностной нейтральности социологического знания, и избегая абстрактных гуманистических прогнозов, на основании объективного анализа все же считаю возможным предположить, что выход из нынешнего финансового кризиса связан с преодолением денежного фетишизма и мифологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Маркс К. Социология. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. С. 295.
2. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 2000. С. 244.
3. Козин Ш.К., Ахметова М.В. Мифологический мотив и манипулятивная деятельность на финансовых рынках — Современная российская мифология. М.: РГГУ, 2005. С. 249.
4. Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 453.
5. См.: Аболафия М. Рынки как культуры: этнографический подход // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 437.
6. Барт Р. Указ. соч. С. 276.
7. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. С. 74.
8. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология (под ред. В.Л. Иноземцева). М.: 1999. <http://ido.edu.ru/ffec/philos/chrest/g17/kastels.html>.
9. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. С. 22.
10. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть... С. 52.
11. Бауман З. Текучая современность. М.; СПб.: Питер, 2008. С. 135.
12. Там же. С. 135.
13. Там же. С. 140.
14. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ, 2000. С. 607.

Natalja N. Zarubina Sociocultural Attitudes towards the Money as a Premise of the World Financial Crisis

This article considers the sociocultural attitudes of modern society towards the money as a premise of the world financial crisis. The mythology of money has formed specific attitudes for the monetary universalism that affirms money as a fundamental value and a meta-language of the modern culture. The development of global financial economy promotes a breaking of the financial sphere off the real economy and gives birth to irresponsibility in accumulation and investing.